

СРЕДИ сложных и трагических судеб классиков русской литературы XIX века судьба Александра Николаевича Островского казалась ровной и беспечальной. Тихо сидит он, закутавшись в беличий халат, в покойном широком кресле у дверей Малого театра — умиротворенный, мудрый, благодушный...

Между тем его биография, не знавшая, казалось бы, бурных потрясений, полна скрытого драматизма. Смолоду сочинения Островского с трудом прокладывали себе дорогу на сцену, а когда его драматический талант стал как будто общепризнанным, критика объявила, что лучшие его достижения остались позади, что Островский «исписался», «падает» и т. п. Каких только обидных слов не наслаждался о своих пьесах в 70—80-е годы прошлого века великий русский драматург!

Посмертная слава пришла к Островскому с опозданием. Вероятно, поэтому промедлили с изучением его биографии, сбором материалов о нем и истории литературы. Мало кому из современников пришлось в голову оставить о нем воспоминания — вспоминать стали позднее, с промедлением, и многое напугали. Письма Островского не были своевременно собраны, архив оказался раздробленным и понес безвозвратные утраты. В 1923 году Н. К. Писанов констатировал: «В специальной литературе по Островскому много архаического. Его изучения являются сильно отсталыми сравнительно, напр., с Пушкиным...»

Новая слава Островского, возникшая в годы Советской власти, побудила и историков литературы пристальнее заняться его творчеством, личной судьбой. Однако в его биографии и до сих пор остается немало стертых временем страниц. Быть может, иные из них будут заново прочитаны в дни подготовки к 150-летию юбилею драматурга.

Пока же мы предлагаем читателям два эпизода, взятые с двух разных концов многотрудной жизни Островского: один — относящийся к начальным его литературным шагам, другой — из поздних лет его деятельности.

ПРОПАВШАЯ ЗАПИСКА ГОГОЛЯ

3 декабря 1849 года в доме историка М. П. Погодина на Девичьем поле был литературный вечер. Наряду собралось много: литераторы, артисты, профессора Московского университета. Смушающийся молодой автор, чиновник Коммерческого суда, прочел свою новую комедию «Банкрут», или «Свои люди — сочтемся». Читал он вместе со своим приятелем — артистом Провом Садовским «на голоса»: Островский — женские роли, Садовский — мужские. Рассказывали, что уже во время чтения в комнату незаметно вошел Гоголь, остановился у притолоки двери, да так и простоял до конца.

Известный писатель-этнограф С. Максимов оставил в своих воспоминаниях такой рассказ об этом событии: «До нас уже дошел слух о том, что Островский у Погодина читал ему свою комедию, что Гоголь опоздал против назначенного им срока, пришел, когда уже началось чтение, пробыл до конца чтения и на вопрос хозяйна отозвался о пьесе одобрительно, но к Александру Николаевичу не подходил и не изъявлял желания с ним познакомиться. Похвальный отзыв Гоголя, написанный на клочке бумаги, передан был Погодину Островскому и сохранился им как драгоценность...»

Во многих книгах и статьях об Островском упоминается со слов Максимова эта записка Гоголя — и недаром: есть нечто символическое в том, что за два года до смерти автор «Ревизора» приветствует молодой талант своего наследника в русской драматургии. Однако никто из историков литературы не видел как будто в глаза этой записки и не приводит ее полного текста.

В сохранившихся бумагах Островского в Бахрушинском музее нет никаких ее следов. Быть может, Островский вернул ее Погодину? Нет. И в архиве Погодина в отделе рукописей Ленинской библиотеки не удалось ее обнаружить.

Работая над биографией Островского и занимаясь в течение ряда лет поисками этого автографа, я уже начинал подумывать: не спутал ли что-нибудь Максимов, не миф ли эта гоголевская записка?

Туманное упоминание о какой-то записке Гоголя случайно обнаружилось в архиве Островского, в письме к нему неизвестной женщины, подписавшейся К. Н. Из содержания письма видно, что оно написано где-то в начале 50-х годов, скорее всего в 1852 или 1853 году. В письме говорилось: «Благодарю Вас за обещание Вашего визита, записки Гоголя и «Бедной невесты». В полной вере в прогресс, надеюсь, что не отступите от принятых обещаний и не ограничитесь извинением за несдержанные обещания».

Имя неизвестной удалось установить. В 50-е годы Островский часто бывал в семье Новосильцевых. В молодом поколении этого дома две младшие сестры Новосильцевы — Екатерина и Софья — были горячими поклонницами таланта драматурга. Софья Владимировна Новосильцева, в замужестве Энгельгардт, стала впоследствии писательницей и выступала под псевдонимом Ольга Н. Ее сестра Екатерина Владимировна, переводившая, между прочим, на французский язык комедии

дня рождения драматурга. В ней говорилось о выставке в Бахрушинском музее, открытой в его честь. На выставке, как сообщалось, был собран «весь наиболее ценный материал из коллекций самого Музея, а также из собраний Государственных академических и частных театров, различных учреждений и частных лиц». Перечислив некоторые экспонаты, автор заметки заключал: «Между ними особенный интерес имеет записка Н. В. Гоголя с приложением таланта Островского, написанная им М. П. Погодину после чтения у последнего в 1849 году Островским своей пьесы «Банкрут» в присутствии Гоголя».

Выходит, совсем недавно, еще в 1923 году, кто-то видел эту записку, читал ее, готовил к экспозиции, и, надо полагать, она была выставлена для всеобщего обозрения. В самом деле, в «Каталоге выставки», изданном тогда же РГО, под № 118 значится: «Записка карандашом Николая Васильевича Гоголя к М. П. Погодину об А. Н. Островском». В те же юбилейные дни несколько слов из какой-то записки Гоголя процитировал в своей статье И. И. Смирнов, позабыв, впрочем, сослаться на источник (сб. «А. Н. Островский», Иваново-Вознесенск, 1923).

В дальнейшем всякие следы записки вновь были утеряны, и ее текст не появился ни в обширном сборнике «Неизданные писем» русских писателей к Островскому (1932), ни в полном Собрании сочинений Гоголя.

Автограф Гоголя, по-видимому, затерялся, но

слова из нее в наброске своего «Предисловия». Только адресована записка, как выясняется, не Погодину, а Ростопчиной, и написана, по всей очевидности, не после вечера 3 декабря 1849 года, а несколько позже, хотя и в прямой связи с историей первой комедии драматурга.

Представим себе март 1850 года. Только что в 6-м номере «Москвитянина» появилась пьеса «Свои люди — сочтемся!». Успех ее оглушительный, книжки журнала — нарасхват, но купцы считают себя обиженными за свое сословие и шлют в Петербург жалобы. О пьесе докладывают Николаю I. Он распоряжается отдать ее на рассмотрение так называемого «Бутурлинского комитета» — высшей цензурной инстанции в России. Ознакомившись с заключением комитета, царь накладывает резолюцию: «Совершенно справедливо, напрасно печатано, играть же запретить...» Министр просвещения Ширинский-Шихматов в согласии с волей царя предлагает почитать Московского учебного округа, генералу Назимову призвать к себе Островского и сделать ему отеческое внушение. Островский отвечает на это полным достоинством письма к Назимову, рассчитывая, что тот доведет его до сведения петербургских властей.

Все эти обстоятельства и факты достаточно известны. Не известно было, однако,

Написанная карандашом записка не имела, по-видимому, ни обращения к адресату, ни подписи — нередкий случай у позднего Гоголя. Возможно, она затерялась при разборе выставки и ныне лежит неопознанной в одном из государственных хранилищ в разделе писем «неустановленного лица к неустановленному лицу». А быть может, покоится в домашнем архиве случайного владель-

радостный для него праздник, но он ошибся и в этом.

Начать с того, что при постановке «Самозванца» дирекция поспешила на новые декорации, и они составлялись из старья. Еще на репетициях кто-то из артистов заметил, что somehow представлять сцену 20 июня перед кремлевскими соборами — со снегом и сосульками, свисающими с крыш. Поначалу нашли это требование чрезмерным и лишь потом разыскали какую-то ветوشку из другой пьесы... с осенним колоритом.

Спектакль состоялся 17 февраля 1872 года. Зала была полна, но обращало на себя внимание отсутствие обычного «маринского бомонда» и светской молодежи. Рассказывали, что одна дама, не пожелавшая пойти на премьеру, объяснила свое отношение к драматургу так: «Он грязен, все у него купцы да мужики».

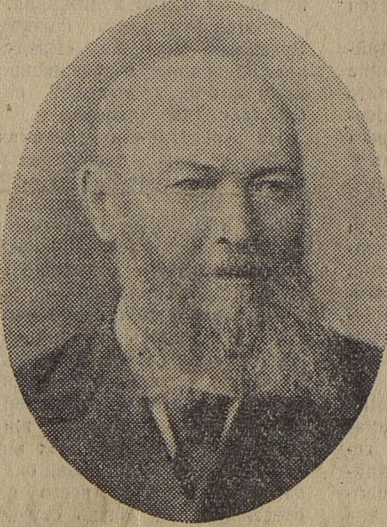
Артисты Е. Н. Жулева, Ф. А. Бурдия, И. И. Моныхов, И. Ф. Горбунов играли пьесу с большим воодушевлением, публика принимала их тепло и не сколько раз вызывала автора. Однако постановка была далека от совершенства. «Костюмы, — отмечал один из рецензентов, — поразили всех своей ветхостью, декорации, казалось, приехали на ломовом извозчике из балагана Берга: так все и пахло презрением, неумолимым презрением к русскому театру и к русским талантам».

Чествование драматурга состоялось при закрытом занавесе; публике не дали возможность принять в нем участие. Артисты поднесли Островскому серебряный венок. С приветствием от группы выступил режиссер А. А. Яблочкин. Текст ответного слова Островского, произнесенного в тот вечер, считался неизвестным и не вошел в собрание его сочинений. Недавно его удалось обнаружить в репортерском отчете газеты «Всемирная иллюстрация». № 165 за 1872 год.

Юбилею полагалось подарить театральное начальство, министерство двора. Но Островский сказал о другом:

«Милостивые государыни и милостивые государи! Ваши приветствия и Ваш подарок так дороги и лестны для меня, что я не нахожу слов для выражения моей благодарности. Я, совершенно смущенный, иду и не нахожу за собою заслуг, равных той высокой чести, которой Вы меня удостоиваете. Но, господа, сердце сердцу весть подает, и я думаю в эту минуту, что не столько мои 25-летние труды для русского театра, сколько моя 25-летняя постоянная любовь к русским артистам заслужили мне честь настоящего праздника. В таком случае Ваш подарок для меня еще дороже, он постоянно будет напоминать мне, что артисты за мою любовь к ним награждают меня своей взаимностью».

Ни словом не обмолвился Островский о своих обидах в этот неудавшийся юбилей, но своим обращением к артистам как бы подчеркнул, в ком он видел единственную свою опору на русской сцене



НОВОЕ ОБ

А. Н. ОСТРОВСКОМ

Владимир
ЛАКШИН

текст записки неожиданно удалось обнаружить. Я обыскал все архивные закоулки в поисках легендарной записки Гоголя, но никак не мог предположить, что она давно уже напечатана. Напечатана еще в 90-х годах прошлого века, но так прочно забыта, что осталась неизвестной и издателям сочинений Гоголя, и многочисленным новейшим исследователям Островского. В бескрайнем море литературной библиографии всегда возможны свои утраты, и обращение к газетам и журналам минувшего века сулит иной раз второе открытие, казалось бы, безнадежно утраченного текста.

В 1896 году П. О. Морозов опубликовал в журнале «Образование», № 4 статью «Литературные дебюты А. Н. Островского». Статья эта содержала сведения, позднее много раз повторенные другими биографами драматурга и ставшие общим местом. За очевидной устарелостью мимо статьи Морозова равнодушно проходили историки литературы, а библиографы обычно забывали включить ее в библиографию работ о писателе. Между тем в тексте этой старой статьи среди малоизвестных подробностей, относящихся к публикации «Банкрута», было такое сообщение:

«От А. Н. потребовались какие-то объяснения, которые и были им даны и, по-видимому, произвели впечатление благоприятное. Сохранилась записка Гоголя, наскоро написанная по этому поводу на карандашном гр. Ростопчиной: «Я тоже нахожу ответ Островского очень благодарным. Дай ему бог успехов во всех будущих трудах и полного умения выражать яснейшую благонамеренность, чтобы ни в ком не оставалось какое-нибудь на этот счет сомнение. При внутреннем усовершенствовании это приходит само собою. Самое главное, что есть талант, а он везде слышен».

Итак, вот она, казавшаяся легендарной записка Гоголя! То, что это именно разыскиваемая нами записка, подтвердил сам Островский, процитировавший

что Островский и его друзья советовались по поводу этого ответа с Гоголем. Напомним, что в письме к Назимову Островский учтиво благодарил министра за переданные ему советы, соглашаясь, что в комедии могли обнаружиться «невольные промахи», но, по существу, все предъявленные ему обвинения оспаривал и с невозмутимым достоинством заявлял:

«Согласно понятиям моим об изящном, считая комедию лучшей формой к достижению нравственных целей и признавая в себе способность воспроизводить жизнь преимущественно в этой форме, я должен был написать комедию или ничего не написать. Твердо убежденный, что всякий талант дается богом для известного служения, что всякий талант налагает обязанности, которые честно и прилежно должен исполнять человек, я не смел оставаться в бездействии. Будет час, когда талант твой?».

В своей записке Гоголь похвалил ответ Островского, признал его высоким талант, но в прямом согласии с поздним смиренным-христианским настроением посоветовал яснее выражать свою благонамеренность». Совет, поданный Гоголем, можно, впрочем, понимать и практически. Автору «Ревизора» пришлось вывести в финале комедии квартальный как воплощение карающей справедливости. Теперь этот горький опыт защиты своего дитяти от обвинений в «неблагонамеренности» он передавал Островскому. И в самом деле, спустя 10 лет Островскому разрешили представить на сцене его комедию лишь с концом, изуродованным появлением квартального. В своем первоначальном виде комедия была разрешена для сцены только в 1881 году.

До сих пор остается загадкой, где автограф пропавшей записки, но, думаю, он будет вскоре разыскан.

ца, не подозревающего, какой ценный автограф находится в его руках.

«ЛЮБОВЬ К РУССКИМ АРТИСТАМ»

В 1872 году исполнилось 25 лет литературной деятельности Островского, и сам драматург хотел отметить эту дату. Островский был, казалось, на вершине своей славы, а его по-прежнему преследовало хроническое безденежье. Критика кисло отзывалась о новых его пьесах. К тому же он страдал от постоянных притеснений дирекции императорских театров и других придворных служб, наблюдавших за репертуаром. Работать приходилось много, а вечный страх запрещения пьесы подрезал крылья самым смелым замыслам.

«Сию безвыходно дома и один променяю себя, думаю, — писал Островский в 1872 году Некрасову в одном забытом письме. (Не вошло в собрание сочинений драматурга). — Писать хочется, писать необходимо надобно, — а не пишется; начинаю до пяти пьес и бросаю, которую — в начале, которую — в половине. Дума-то перерастает дарованьишко и не дает ему ходу; а не писать нельзя: хоть плачь, да пиши. Вот отчего седеет голова-то!»

Островский надеялся, что его юбилей побудит дирекцию императорских театров, которой, как было подсчитано, он принес за 25 лет около миллиона рублей дохода, выхлопотать ему пенсию, в которой он так нуждался для спокойной, неспешной работы. Но ходатайство о назначении пенсии было отклонено министром двора.

Драматург рассчитывал также, что юбилейная премьера его пьесы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» на сцене Маринского театра выльется в